

Хроническая мечта Достоевского

Философская романистика как упражнение в смерти

Сергей Земляной

Николай Наседкин.

Самоубийство
Достоевского.

Тема суицида в жизни
и творчестве писателя.

— М.: Алгоритм, 2002, 448 с.

Одно из главных, если не главное, достоинство этой книги состоит в том, что ее прочтение освежает в памяти читателя не- сколько капитальнейших (из-любленный термин автора) мыслей, которые в совокупности приоткрывают некий модус доступа к творчеству – и, как полагает Наседкин, к жизни и смерти – Федора Достоевского. И хотя эти мысли не принадлежат автору, как не принадлежат они и Достоевскому (хотя духовно им прожиты), а заимствованы ими у других, не менее гениальных писателей, я ввиду их кардинальной важности попытаюсь их коротко воспроизвести. Разумеется, все эти мысли имеют прямое отношение к теме смерти, в том числе – добровольной насильственной смерти, то есть самоубийства, которой все-

цело посвящена обсуждаемая работа.

Первая принадлежит создателю «Откровения святого Иоанна Богослова» и очерчивает горизонт раннехристианского восприятия смерти, резко отличный, например, от саддукейского: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; и они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прошлое прошло» (Откр. 21, 3–4). Смерти не будет, но она есть, прежде всего, прошлое, но оно никуда не делось, жизнь человеческая все так же сопровождается плачем, воплями и болезнями; Второе Пришествие откладывается; и это есть христианское бытие-в-мире. Вторая мысль заброшена в культуру Джона Донно (о чем Наседкин упоминает), но расцвела и засверкала под пером несравненного Хорхе Луиса Борхеса (о чем он умалчивает): суть ее в том, что «не крестные муки убили Христа, но что в действительности он покончил с собой чудесным и сознательным излучением души». Эту идею, даже и вполне освобожденную от ее теологической оболочки, Наседкин положил в основу своей интерпретации Достоевского. «Да, самоубийство – хроническая мечта Достоевского, – заявляет автор. – Причин у него было-имелось более чем достаточно: жестокие болезни (в том числе и нервные), хроническая нищета, совершенно тупиковые ситуации в жизни (арест, катастрофические проигрыши на рулетке), любовные неудачи, внутреннее одиночество, тяжкие потери близких и род-

ных... Всю жизнь он то и дело мечтал с собой покончить, но, преодолевая депрессию, продолжал жить-существовать. Почему? Три вещи, три обстоятельства, три фактора, три мощных каната привязывали его к жизни – 1) творчество, 2) богоискательство, 3) семья». И Наседкин делает вывод о том, что Достоевский «покончил жизнь самоубийством». Мне думается, что он по существу прав: у гениев не бывает случайных смертей; это по-своему понимала и Анна Сниткина-Достоевская, которая, по формулировке Наседкина, считала, что ее великий муж «умер очень вовремя». Точно так же как я считаю уместным и истолкование автором философской романистики Достоевского в соответствии с платоновским определением философии: фи-

не слишком дорого и ничему не помогают, ничто не делая умопостигаемым, вроде такого: «Загадки творчества – необъяснимы». Ну, и что? Не писать книг о великих писателях? Наконец, Наседкин сплошь и рядом путает стиль, без которого уважающему себя автору не обойтись, с манерой, с полумеханическим воспроизведением почему-то приглянувшихся ему литературных приемов и клише (например, нанизывание друг на друга в одной фразе совершенно избыточных синонимических пар): «Нам важно знать-понимать, что если даже сам Достоевский и не думал, не собирался буквально соскочить-броситься в пропасть, однако ж, можно не сомневаться, что в описании любви-ненависти Полины и Алексея Ивановича много документального (!), в меч-

У гениев не бывает случайных смертей

лософия – это упражнение в смерти; это же верно и относительно литературы, которая понимает себя в качестве философии.

Для меня, однако, представляется весьма сомнительным метод психологистской дивинации, догадок и допущений, основанных на поисках взаимно однозначных соответствий между Достоевским и его героями, между окружавшими его людьми – и персонажами его книг. От некоторых страниц книги прямо-таки отпугивают резонерство авторства, его морализаторство, его «философизмы», которые стоят

таниях героя о самоубийстве много автобиографического. И вряд ли только в момент создания-написания романа произошел в творческом воображении прототипа-автора такой злоеций, но вполне логичный синтез дум-намерений <...>» и т.д. Так ведь недалеко и до самопародирования. Искренне растрогали меня ссылки автора на Сараскину, Дюркгейма, Волигина и Чхартишвили в одном флаконе как маститых достоевцев и суицидологов. В отличие от «неудачников» из «ЖЗЛ» Гросманна и Селлезнева. Бог в помощь. Любите живопись, поэты!